

узнал совершенно случайно от одной из беженок. Анна Алексеевна показала отцу Сергея могилу. На ней был небольшой крест и цветок. Александр Витальевич знал личный номер Сергея и, сверив его с данными номера, находившегося у Ирины, дочери Анны Алексеевны, и сообщив им приметы сына, убедился окончательно — в могиле находится Сергей... Последняя надежда в его душе на то, что Сергей жив, рухнула, когда отец раскопал могилу. Он нашел своего Сережу. Наконец-то нашел.

Еще находясь в Моздоке и переговорив с человеком, который по долгу своей службы обязан был заниматься организацией поиска погибших, Александр Витальевич понял, что никто и не думал искать ни его сына, ни других погибших солдат и офицеров.

Он привез тело сына в 129-й полк и на вертолете вместе с ним прилетел в Моздок. В Моздоке Ударцевы еще раз простились с Сережей. Александр Витальевич, как положено, оставил тело похоронной команде. В журнале этой команды 26 января Сергей Александрович Ударцев был записан под номером 606.

Ударцевы попросили военных как можно быстрее отправить тело сына в Челябинск военно-транспортным самолетом и вылетели домой. 27 января они были уже в Челябинске...

Офицеры, воюющие в Чечне, просили Ударцевых рассказать на «большой земле», что не получали ни одного письменного приказа — **только по телефону**. Это значит, что в случае чего, виновных никто никогда не найдет.

«По состоянию на 1 января 1995 года в 129-м полку было убито 63 человека, — вспоминает Наталья Павловна, — из них 21 — в бою, а остальные при бомбежках своих же самолетов. В батальоне, где служил сын, сгорел лишь один танк, а подбили его... свои артиллеристы. То, что говорят по телевидению: танки горят, как свечи, — неправда. Хорошо воевал наш Уральский полк, а вот Майкопская бригада была почти полностью разбита, остатки выведены из города (погиб весь штаб вместе с комбригом)».

Гроб с телом Сергея должны были доставить из Ростова (туда погибших обычно

доставляют из Моздока), и для родителей потянулись мучительные дни ожидания, ведь приближалось 9 февраля, когда со дня гибели Сергея исполнялось 40 дней, и они хотели успеть похоронить сына до этого дня.

Из воспоминаний полковника Ударцева А.В., в свое время несколько лет прослужившего в разведке:

«...Входили войска в Грозный без разведки. В первые дни войны наши больше страдали от своих же. Одну бедную пехоту толкали вперед, а внутренние войска работали безо всякого взаимодействия с армией. Пока был в Грозном, сам обнаружил несколько огневых точек и передал их координаты артиллеристам. Обнаружить их было несложно, однако никто разведкой не занимался. Почему никто не занимался поиском раненых, убитых? Я нашел своего сына, я сделал бы это во что бы то ни стало, но... одна беженка говорила, что похоронила в своем дворе в братской могиле 24 человека, другая в своем палисаднике — четырех. Кто потом побеспокоится об их матерях, которые напрасно будут искать сыновей? В Моздоке — огромное количество неопознанных тел. Всех их сложили в рефрижераторную железнодорожную секцию...»

Возможно, что неактивность поисков была связана с решением финансового вопроса. Для получения родственниками компенсации за погибшего нужно, чтобы было найдено тело и опознано ими... Но как быть в случае с лейтенантом Касаткиным, о смерти которого рассказали Ударцевы? Долго ли его мать будет находиться в безвестности, не зная, что даже тело сына никогда не найдет, потому что он погиб от прямого попадания из гранатомета? И хотя тому есть свидетели, никто официально заключение о его смерти не даст. И будет этот лейтенант вечно без вести пропавшим...

Последняя попытка для Александра Витальевича и Натальи Павловны закончилась только 2 февраля 1995 года. В этот день они, наконец, похоронили своего сына...

Прочитав этот материал до конца, помолчим... подумаем... и каждый пусть сделает для себя выбор: знать правду и не молчать или ...знать ее, но уповать на «мудрость» политиков...